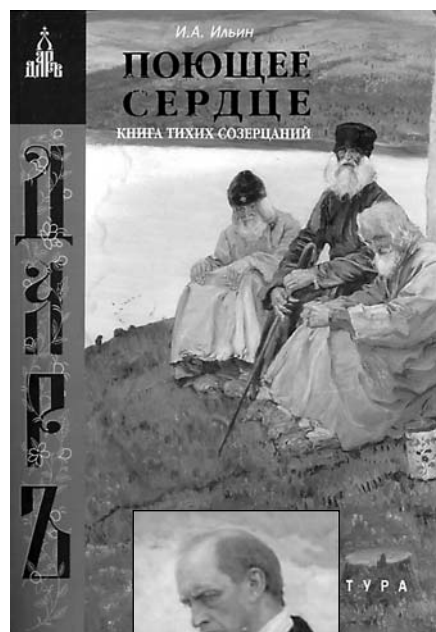

Дорогие друзья! Мы продолжаем публикацию глав из книги Ивана Александровича Ильина «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний». Сегодня вашему вниманию предлагаются главы «О дружбе» и «О лишениях».

«...Не утрачено ли начало дружбы именно в наши дни? Иногда кажется, что именно современный человек решительно не создан для дружбы и не способен к ней... И в конце концов неизбежно приходишь к основному вопросу: что же есть настоящая дружба, в чем она состоит и на чем держится?», — пишет Иван Ильин.

Напомним, что книга И.А. Ильина интересна не в одном только теоретическом отношении. Она поможет провести беседу во время классного часа, библиотечного урока, вызвать потребность поразмышлять над вечными вопросами бытия, узнать сокровенное о себе и живущих рядом людях.

И.А. ИЛЬИН

О ДРУЖБЕ

У каждого из нас бывают в жизни такие времена, когда естественная, от природы данная нам одинокость вдруг начинает казаться нам тягостной и горькой: чувствуешь себя всеми покинутым и беспомощным, ищешь друга, а друга нет... И тогда изумлённо и растерянно спрашиваешь себя: как же это так могло случиться, что я всю жизнь любил, желал, боролся и страдал и, главное, служил великой цели — и не нашёл ни сочувствия, ни понимания, ни друга? Почему единство идеи, взаимное доверие и совместная любовь не связали меня ни с кем в живое единство духа, силы и помощи?..

Тогда в душе просыпается желание узнать, как же слагается жизнь у других людей: находят они себе настоящих друзей или нет? Как же жили люди раньше, до нас? И не утрачено ли начало дружбы именно в наши дни? Иногда кажется, что именно современный че-

ловек решительно не создан для дружбы и не способен к ней... И в конце концов неизбежно приходишь к основному вопросу: что же есть настоящая дружба, в чем она состоит и на чем держится?

Конечно, люди и теперь нередко «нравятся» друг другу и «водятся» друг с другом... Но, Боже мой, как всё это скучно, поверхностно и беспочвенно! Ведь это только означает, что им «приятно» и «забавно» совместное времяпрепровождение или же что они умеют «угодить» друг другу... Если в склонностях и вкусах есть известное сходство, если оба умеют не задевать друг друга резкостями, обходить острые углы и замалчивать взаимные расхождения, если оба умеют с любезным видом слушать чужую болтовню, слегка польстить, немножко услужить, — то вот и довольно: между людьми завязывается так называемая «дружба», которая, в сущности, держится на внешних условностях, на гладко-скользкой

«обходительности», на пустой любезности и скрытом расчёте... Бывает «дружба», основанная на совместном сплетничании или на взаимном излиянии жалоб. Но бывает и «дружба» лести, «дружба» тщеславия, «дружба» протекции, «дружба» злословия, «дружба» преферанса и «дружба» собутыльничества. Иногда один берёт займы, а другой даёт займы — и оба считают себя «друзьями». «Рука моет руку», люди вершат совместно дела и делишки, не слишком доверяя друг другу, и думают, что они «подружились». Но «дружкой» иногда называют и легкое, ни к чему не обязывающее «увлечение», связывающее мужчину и женщину; а иногда и романтическую страсть, которая подчас разъединяет людей окончательно и навсегда. Все эти мнимые «дружки» сводятся к тому, что люди взаимно посторонние и даже чуждые проходят друг мимо друга, временно облегчая себе жизнь поверхностным и небескорыстным соприкосновением: они не видят, не знают, не любят друг друга, и нередко их «дружба» распадается так быстро и исчезает столь бесследно, что трудно даже сказать, были ли они раньше вообще «знакомы».

Люди сталкиваются друг с другом в жизни и отскакивают друг от друга, подобно деревянным шарам. Таинственная судьба взметает их, как земную пыль, и несёт их через жизненное пространство в неизвестную даль, а они разыгрывают комедию «дружки» в трагедии всеобщего одиночества... Ибо без живой любви люди подобны мёртвому праху...

Но истинная дружба проламывает это одиночество, преодолевает его и освобождает человека к живой и творческой любви. *Истинная дружба...* Если бы только знать, как она завязывается и возникает... Если бы только люди умели дорожить ею и крепить её...

На свете есть только одна-единственная сила, способная преодолеть одиночество человека; эта сила есть любовь. На свете есть только одна возможность выйти из жизненной пыли и противостоять её вихрю; это есть духовная жизнь.

И вот, истинная дружба есть *духовная любовь*, соединяющая людей. А *духовная любовь* есть *сущее пламя Божие*. Кто не знает Божьего пламени и никогда не испытывал

его, тот не поймёт истинной дружбы и не сумеет осуществить её, но он не поймёт также ни верности, ни истинной жертвенности. Вот почему к истинной дружбе способны только *люди духа*.

Нет истинной дружбы без любви, потому что именно любовь *связывает* людей. А истинная дружба есть *свободная связь*, в ней человек сразу *свободен и связан*; и связь эта не нарушает и не уменьшает свободы, ибо она осуществляет её; и свобода эта, осуществляя себя в привязанности, связывает человека с человеком в духе. Самая крепкая связь на земле есть свободная связь, если она слагается в Боге, соединяет людей через Бога и закрепляется перед лицом Божиим. Вот почему в основе каждого настоящего брака и каждой здоровой семьи лежит свободная духовная дружба. Истинная дружба, как и истинный брак, заключается на небесах и не расторгается на земле.

Если мы видим где-нибудь на земле истинную верность и истинную жертвенность, то мы можем с уверенностью принять, что они возникли из настоящей духовной близости. Дружба свойственна только людям духа: это *их дар, их достояние, их способ жизни*. Люди без сердца и без духа не способны к дружбе: их холодные своекорыстные «союзы» всегда остаются условными и полупредательскими; их расчётливые и хитроумные объединения держатся на уровне рынка и карьеризма. Истинное единение людей возможно *только в Божием луче*, в духе и любви.

Настоящий человек носит в своём сердце некий скрытый жар, так, как если бы в нём жил таинственно раскалённый уголь. Бывает так, что лишь совсем немногие знают об этом угле и что пламя его редко обнаруживается в повседневной жизни. Но свет его светит и в замкнутом пространстве, и искры его проникают во всеобщий эфир жизни. И вот, истинная дружба возникает из этих искр. Кто однажды видел пылинку радия, тот никогда не забудет этого чуда Божия. В малом замкнутом пространстве, в темноте, за стеклом лупы видно крошечное тело, из которого непрерывно вылетают во все стороны подвижные искорки и быстро исчезают в темноте. Легким поворотом винта можно слегка ослабить зажим пинцета, держащего эту пылинку, — и тогда искры начинают вылетать щедро и радостно; зажим усиливается — и

искры летят скудно и осторожно. А естествоиспытатели утверждают, что лучевой заряд этой пылинки будет действителен, по крайней мере, две тысячи лет...

Наподобие этого живёт и сверкает человеческий дух; так посылает он свои искры в мировое «пространство». И из этих искр возникает истинная дружба.

Есть люди, для которых слово «дух» не пустой звук и не мёртвое понятие: они знают, что в жизни есть «Божии цветы» и что жизнь ими красуется и светится; они знают, что человеку дано *внутреннее око*, способное видеть и узнавать эти цветы; они ищут их, находят их, радуются им и любят их сердцем. Такие люди носят в своём сердце духовный «заряд» и «душевный «жар». Их личный дух подобен пылинке радия, излучающей свои искры в мировое пространство. И в каждой такой искре сверкает их любовь и светит сила любимого ими божественного содержания. И каждая такая искра ищет признания и ответа, ибо человеческая любовь всегда требует понимания и взаимности.

Но излетевшая искра духа может быть воспринята и постигнута только духовно живым и искрящимся духом, только таким сердцем, которое само любит и излучает. Холодный мрак поглощает всё бесследно. Мёртвая пустота не может дать ответа. Огонь стремится к огню, и свет тянется к свету. И когда встречаются два огня, то возникает новое мощное пламя, которое начинает шириться и пытается создать новую, живую «ткань» огня.

Истинная дружба начинается там, где налетевшая искра духа касается чужой огненной купины и воспринимается ею. За восприятием следует ответная искра, которая воспринимается первоославшим и вызывает в нём ответ на ответ. Тогда начинается световой обмен. Искры отнюдь не исчезают в окружающем мраке. Каждая достигает цели и зажигает. Вспыхивают целые снопы света, пламя разгорается, пожар растёт. Свободные дары, творческое восприятие, светлая благодарность... И ни тени зависти. Дух наслаждается своей беззаветной откровенностью. Он знает, что его встретит духовное созерцание и вчувствующееся постижение. Сердце чутко вслушивается и радостно предвосхищает дальнейшее. И пламя Божие справляет на земле свой праздник...

Да, человеческая *душа* одинока на земле и часто страдает от этого. Она может почувствовать себя покинутой и заброшенной. Но дух человека не мирится с одиночеством. Он укореняется в Божественном, живёт для Божьего дела, свободно рассылает свои искры, и никакие «стены» ему не страшны. Он не верит в то, что атомное разъединение или расплывённая множественность составляет последнее слово человеческого бытия, непреодолимую форму жизни; он не верит, что люди обречены на одинокое блуждание в хаосе, что им никогда не найти друг друга; он не верит в торжество «мировой пыли». Где-то, неизвестно где, когда-то, неизвестно когда, в великом лоне Божиих замыслов и творческих идей он видел некое видение: единое, сплошное море пламени *сонно почивало* в пророческом спокойствии, так, как оно было задумано Богом изначала и призвано к *пробуждённому бытию* в грядущем; он узрел это видение — вступил в новое, земное бытие, чтобы проснуться в виде обособленного, единичного «огонька» и начать на земле творческую борьбу за *духовно пробужденное воссоединение человеческого огневого множества*... Ибо человеческие души, эти духовные огни Божии, призваны пройти через *индивидуацию* и одиночество и вновь воссоединиться в единое, сплошное море — но уже духовно пробуждённого огня...

И вот, истинная дружба, как любовь, и притом как духовная любовь, создает первоначальную ячейку этого единства; из таких ячеек духовного огня сложится однажды великое и единое пламя Божие, светлая и радостная ткань Божьего Царства во вселенной...

Вот почему каждый духовно живой человек ищет истинной дружбы на земле и бывает счастлив, если ему удастся найти её и осуществить. Этим он исполняет завет своего Творца и участвует в совершении Его обетования; этим он участвует в обновлении и преобразении Божиего мира.

На свете есть много людей, которые ничего не знают об истинной дружбе и тем не менее беспомощно толкуют о ней, и, не находя к ней пути и не зная, как осуществить её, удовлетворяются земной страстной «любовью», обычно вынося из неё разочарование и уныние. Но именно они должны узнать и почувствовать, что они призваны к ней и

что она для них достижима. Ибо самый слабый луч благожелательства, сострадания, бережного и чуткого отношения человека к человеку и малейшая искра духовного обмена в живой беседе, в искусстве, в совместном исследовании или созерцании и всякая попытка совместно помолиться единому Божеству единым воздыханием содержат уже начаток, зерно истинной дружбы. Лестница начинается уже с первой ступени, и пение начинается свою мелодию уже с первого звука... И как грустно, если жизнь пресекается уже в своём зерне, если лестница обламывается на первой ступени, если песнь обрывается на первом звуке!..

Поэтому каждый из нас должен всю жизнь искать истинной дружбы, духовно строить её и любовно беречь её. Тогда он узнает, в чём состоит блаженство истинной *верности* и лёгкая естественность настоящей *жертвы*.

О ЛИШЕНИЯХ

Когда мне стукнуло восемь лет, бабушка подарила мне на ёлку красивую тетрадь в синем сафьянном переплёте и сказала: «Вот тебе альбом, записывай в него всё, что тебе покажется умным и хорошим; и пусть каждый из нас напишет тебе что-нибудь на память...». Вот было разочарование!.. Мне так хотелось оловянных солдатиков, они даже по ночам мне снились... И вдруг — альбом. Какая скучища... Но дедушка взял мою сафьянную тетрадь и написал на первой странице: «Если хочешь счастья, не думай о лишениях; учись обходиться без лишнего...». Да, хорошо ему было говорить: «не думай»... А мне было до слез обидно. Но пришлось примириться...

Я тогда и не заметил, как глубоко меня задел этот постылый жизненный совет, данный мне дедом. Сначала я и слышать о нём не хотел: это была прямая насмешка надо мной и над моими солдатиками. Но позднее... И потом ещё много спустя... У меня было так много лишений в жизни... И всегда, когда мне чего-нибудь остро недоставало или когда приходилось терять что-нибудь любимое, я думал о сафьянной тетради и об изречении

деда. Я и сейчас называю его «правилом счастья» или «законом оловянного солдатика». Кажется, тут замешана и сказка Андерсена «Стойкий оловянный солдатик»: храбрый был малый — прошёл через огонь и воду и даже глазом не моргнул...

А теперь этот закон кажется мне выражением *настоящей жизненной мудрости*. Жизнь есть борьба, в которой мы должны побеждать; а победителем становится тот, кто осуществляет благое и справедливое.

Конечно, тут являются искушения и опасности, и каждая опасность есть в сущности угроза. Если рассмотреть все эти угрозы, то все они приблизительно одинаковы: *они грозят лишениями*.

Потому что так называемые «унижения» суть тоже лишения в вопросах независимости, признания со стороны других и жизненного успеха; эти лишения бывают, конечно, наиболее тягостными. Нельзя примириться с утратой истинного достоинства и уважения к себе, но нельзя принимать к сердцу отсутствие успеха у других, а также поношение и клевету. Мы должны уметь обходиться без жизненного «успеха», без «почёта» и без так называемой «славы».

И вот, если я буду бояться таких и им подобных лишений, то мне придётся от-

казаться от главного, *предмет-*

ного успеха в жизни и от победы в жизненной борьбе. А если я хочу *предметной* победы, то я должен *пренебречь* лишениями и презирать угрозы. То, что иногда называют «крепкими нервами», есть не что иное, как мужественное отношение к возможным или уже начавшимся лишениям. Всё, что мне грозит, и притом часто *только* грозит и даже не осуществляется, есть своего рода лишение — лишение в области еды, питья, одежды, тепла, удобства, имущества, здоровья и т. д. И вот, человек, поставивший себе серьёзную жизненную задачу, имеющий великую цель и желающий предметного успеха и победы, должен *не бояться* лишений; мужество перед лишениями и угрозами есть уже половина победы или как бы выдержанный «экзамен на побе-

Никакие убытки, потери, лишения не должны выводить нас из душевного равновесия. «Не хватает?» — «Пускай себе не хватает. Я обойдусь». ...Нельзя терять священное и существенное в жизни; нельзя отказываться от главного, за которое мы ведем борьбу. Но все несущественное, повседневное, все мелочи жизни не должны нас ослаблять, связывать, обессиливать и порабощать...

ду». Тот, кто трепещет за свои удобства и наслаждения, за своё имущество и «спокойствие», тот показывает врагу своё слабое место, он подставляет ему «ахиллесову пяту» и будет скоро ранен в нее: он будет ущемлён, обессилен, связан и поработан. Ему предстоит жизненный провал...

Всю жизнь нам грозят лишения. Всю жизнь нас беспокоят мысли и заботы о возможных «потерях», «убытках», унижениях и бедности. Но именно в этом и состоит школа жизни: в этом — подготовка к успеху, закал для победы. То, чего требует от нас эта школа, есть *духовное преодоление угроз и лишений*. Способность легко переносить заботы и легко обходиться без того, чего не хватает, входит в искусство жизни. Никакие убытки, потери, лишения не должны выводить нас из душевного равновесия. «Не хватает?» — «Пусть себе не хватает. Я обойдусь»... Нельзя терять священное и существенное в жизни; нельзя отказываться от *главного*, за которое мы ведем борьбу. Но все несущественное, повседневное, все мелочи жизни не должны нас ослеплять, связывать, обессиливать и поработать...

Искусство сносить лишения требует от человека двух условий.

Во-первых, у него должна быть в жизни некая *высшая, всё определяющая ценность*, которую он действительно больше всего *любит* и которая на самом деле *заслуживает* этой любви. Это и есть то, чем он живет и за что он борется; то, что освещает его жизнь и направляет его творческую силу; то, перед чем всё остальное бледнеет и отходит на задний план... Это есть священное и освящающее *солнце любви*, перед лицом которого лишения не тягостны и угрозы не страшны... Именно таков путь всех героев, всех верующих, исповедников и мучеников...

И во-вторых, человеку нужна способность *сосредотачивать своё внимание, свою любовь, свою волю и своё воображение* не на том, чего не хватает, чего он «лишён», но на том, что ему дано. Кто постоянно думает о недостающем, тот будет всегда голоден, завистлив, заряжен ненавистью.

Вечная мысль об убытках может свести человека с ума или уложить в гроб; вечный трепет перед возможными лишениями унижает его и готовит его к рабству. И наоборот: тот, кто умеет с любовью вчувствоваться и вживаться в дарованное ему, тот будет нахо-

дить в каждой жизненной мелочи новую глубину и красоту жизни, как бы некую дверь, ведущую в духовные просторы, или вход в сокровенный Божий сад, или — колодезь, щедро льющий ему из глубины бытия родниковую воду. Такому человеку довольно простого цветка, чтобы коснуться божественного миротворения и изумленно преклониться перед ним; ему, как Спинозе, достаточно наблюдения за простым пауком, чтобы постигнуть строй природы в его закономерности; ему нужен простой луч солнца, как Диогену, чтобы испытать очевидность и углубиться в её переживание.

Когда-то ученики спросили у Антония Великого, как это он видит Господа Бога? Он ответил им приблизительно так: «Ранним утром, когда я выхожу из моей землянки в пустыню, я вижу, как солнце встаёт, слышу, как птички поют, тихий ветерок обдувает мне лицо — и сердце моё видит Господа и поёт от радости...»

Каким богатством владеет бедняк, если он умеет быть богатым...

Это значит ещё, что лишения призывают нас к сосредоточенному созерцанию мира, так, как если бы некий сокровенный голос говорил нам: «В том, что тебе уже дано, сокрыто *истинное богатство*; проникни в него, овладей им и обходись без всего остального, что тебе *не дано*, ибо оно тебе не нужно...». Во всех вещах мира есть *измерение глубины*. И в этой глубине есть потаённая дверь к мудрости и блаженству. Как часто за «богатством» скрывается сущая скудость, жалкое убожество; а бедность может оказаться сущим богатством, если человек духовно овладел своим скудным состоянием...

Поэтому нехорошо человеку обходиться без лишений; они нужны ему, они могут принести ему истинное богатство, которого он иначе не постигнет. Лишения выковывают характер, по-суворовски воспитывают человека к победе, учат его самоуглублению и обещают ему открыть доступ к мудрости.

И я не ропщу на лишения и утраты, постигшие меня в жизни. Но о моей синей сафьянной тетради, научившей меня когда-то «закону оловянного солдатика», я вспоминаю с благодарностью: она отняла у меня когда-то желанную игрушку, но открыла мне доступ к истинному богатству. И её я не хотел бы лишиться в жизни...